

ГЛАВА 1

Логан

Апрель

Сохнуть по девушке своего лучшего друга — полный отстой.

Во-первых, это создает уйму неловких ситуаций. Не скажу за всех парней, но мало кому захочется выйти из спальни и столкнуться с девушкой своей мечты, которая всю ночь провела в постели твоего лучшего друга.

А во-вторых, мало-помалу начинаешь есть себя поедом. Что и понятно: трудно не возненавидеть себя за то, что предаешься фантазиям о той, по которой сходит с ума твой друг.

Пока что неловкие моменты перевешивают. В нашем доме очень тонкие стены, а это значит, что мне слышен любой стон, сорвавшийся с губ Ханны, каждый ее вздох. И каждый удар изголовья кровати об стену, когда кто-то другой занимается любовью с девушкой, о которой я не могу перестать думать.

Весело, что и говорить.

Я лежу на своей кровати и пялюсь в потолок. И даже больше не притворяюсь, что копаюсь в записях на своем *iPod*. В уши уже давно воткнуты наушники, чтобы не слышать, чем занимаются Гаррет и Ханна в соседней комнате, но я до сих пор так и не нажал кнопку воспроизведения. Похоже, сегодня мне хочется помучиться.

Нет, я не идиот. Я *знаю*, что она любит Гаррета. Достаточно понаблюдать, как Ханна на него смотрит,

как они ведут себя, когда вместе. Они встречаются уже полгода, и даже я, самый худший в мире друг, не могу отрицать того, что это идеальная пара.

И черт побери, Гаррет заслуживает счастья. Это с виду он самоуверенный сукин сын, но на самом деле — чертов святой. Лучший центральный нападающий из всех, с кем мне доводилось выходить на лед, и просто отличный парень. Я не сомневаюсь в своей гетеросексуальности, поэтому с уверенностью могу сказать: знаете, что бы было, играй я за «другую команду»? Я бы не просто трахнул Гаррета Грэхема — я бы на нем женился!

И именно это делает всю ситуацию нестерпимой. Я даже не могу ненавидеть парня, который занимается сексом с девушкой моей мечты. Нет даже мысли о мщении, потому что я не могу ненавидеть Гаррета, никак не могу.

Слышен скрип открывающейся двери, и в коридоре раздаются чьи-то шаги. Я молюсь, чтобы ни Гаррет, ни Ханна не постучали в мою дверь. Или того хуже — заговорили со мной, потому что даже звук голоса кого-то из них приведет меня в еще большее уныние.

К счастью, в дверь громко барабанит другой мой сосед, Дин. И тут же, не дождавшись приглашения, входит.

— Сегодня вечеринка в «Омеге-Фи». Идешь?

Я мгновенно спрыгиваю с кровати, потому что прямо сейчас отправиться на вечеринку кажется чертовски классной идеей. Напиться в хлам — верный способ на время забыть про Ханну. Хотя нет — я хочу не только напиться, но и трахнуть кого-нибудь. Если одно не поможет мне в достижении моей цели, то второе точно сработает.

— Да, черт возьми, — отвечаю я, одновременно пытаюсь найти рубашку.

Натягивая чистую футболку, стараюсь не обращать внимания на острую боль в левой руке — она до сих пор адски болит из-за костедробильного силового приема, полученного во время игры за звание чемпионов на прошлой неделе. Но оно того стоило — уже

третий год подряд хоккейная команда Брайара одерживает победу в финале «Замороженной четверки». Можете считать это непревзойденным хет-триком. И все игроки нашей команды, включая меня, по-прежнему наслаждаются преимуществом зваться трехкратными национальными чемпионами.

Дин, тоже защитник нашей команды, называет все это «Победа с тремя П»: попойки, популярность, переписи.

И он не грешит против истины, потому что с момента нашей грандиозной победы я самолично пользуюсь всеми этими благами.

— Сегодня ты дежурный водитель? — надевая поверх футболки черную толстовку и застегивая ее, спрашиваю я.

Мой приятель фыркает:

— Ты сейчас это серьезно?

Я закатываю глаза:

— И то правда: чем я только думаю?

Никогда такого не было, чтобы Дин Хейворд-Ди Лаурентис оставался на вечеринке трезвым. Каждый раз, когда чувак выходит за порог дома, он либо напивается в стельку, либо укуривается до чертей. Но если вы думаете, что это каким-то образом влияет на его игру, то ошибаетесь. Он из тех уникалов, которые могут кутить похлеще молодого Роберта Дауни-младшего, но при этом оставаться такими же успешными и уважаемыми, как *нынешний* Роберт Дауни-младший.

— Не парься, за нами присмотрит Так, — говорит мне Дин. Значит, наш четвертый сосед, Такер, тоже едет с нами. — Слабак! Уже сутки прошли, а у него все еще похмельный синдром. Решил взять перерыв.

М-да, но я Такера не виню. Межсезонные тренировки начнутся только недели через две, а мы прямо-таки задались целью отдохнуть на всю катушку. Вот что бывает, когда становишься национальным чемпионом. Когда в прошлом году мы выиграли чемпионат, я не просыхал две недели подряд.

Нельзя сказать, что я с радостью жду межсезонья. Силовые и физические подготовки, изнуритель-

ные тренировки — все это изматывает, но ты совсем остаешься без сил, когда одновременно с этим вкальваешь по десять часов. Но у меня нет выбора. Тренировки наизнос — обязательная часть подготовки к предстоящему сезону, а работа... что поделать, я дал обещание брату, и, как бы меня ни выворачивало наизнанку от одной только мысли о том, что мне предстоит, отступаться от своих обещаний нельзя. Джеф с меня три шкуры спустит, если я не выполню свою часть уговора.

Мы с Дином спускаемся по лестнице, а наш сегодняшний водитель уже ждет нас у входной двери. Лицо Такера покрыто изрядно отросшей рыжевато-коричневой щетиной, которая делает его похожим на вервольфа. Однако на прошлой неделе на какой-то вечеринке девчонка, с которой он познакомился, сказала ему, что у него кукольное лицо. Вот Такер и решил испробовать новый образ.

— Ты ведь понимаешь, что эти заросли на физиономии мужественности тебе не придают, да? — подкалывает его Дин, когда мы выходим за дверь.

Так пожимает плечами:

— Вообще-то, я стремился к брутальности.

Я фыркаю:

— Ну, до этого тебе тоже еще далеко, *Куколка*. Ты похож на сумасшедшего ученого.

Такер показывает нам средний палец и направляется к водительскому месту моего пикапа. Я усаживаюсь на пассажирское сиденье, а Дин залезает в кузов, объяснив это тем, что ему хочется подышать свежим воздухом. На самом деле, ему просто хочется, чтобы ветер растрепал его шевелюру до состояния взъерошенного, сексуального беспорядка, от которого девчонки штабелями падают к его ногам. Должен предупредить сразу: Дин до отвращения тщеславен. Но, с другой стороны, выглядит он как модель, так что, наверное, ему можно быть тщеславным.

Такер заводит мотор, а я барабаню пальцами по ноге, с нетерпением ожидая, когда мы наконец старту-

ем. Многие студенты из Греческой системы¹ раздражают меня своим высокомерием, но я буду смотреть на это сквозь пальцы, потому что... Черт, да потому что если бы организация вечеринок входила в Олимпийские игры, то любой дом братства или сестринства в Брайаре получил бы золотую медаль.

Так задним ходом выезжает с подъездной дорожки, а мой взгляд падает на сияющий черный джип Гаррета, который припаркован на своем обычном месте, пока его владелец проводит вечер с лучшей в мире девушкой и...

Хватит! Я скоро сойду с ума из-за этой одержимости Ханной Уэллс.

Мне нужно потрахаться. И как можно скорее.

По дороге до «Омега-Фи» Такер непривычно тих. Может, он даже хмурится — трудно сказать, потому что кто-то сбрил все волосы с тела Хью Джекмана и приклеил их к лицу Така.

— Что за игра в молчанку? — непринужденным тоном спрашиваю я.

Он бросает на меня сердитый взгляд, а потом снова переводит глаза на дорогу.

— Ох, ну прекрати. Это потому что мы прикалываемся над твоей бородой? — Я понемногу начинаю злиться. — Приятель, да это как первая глава пособия «Бороды для чайников»: если отпускаешь бороду как у горца, приготовься к тому, что это станет поводом поржать. Конец главы.

— Дело не в бороде, — бурчит Так.

— Ладно, — недоумеваю я. — Но ты явно из-за чего-то сердиться. — Когда приятель ничего не отвечает, я решаю копнуть глубже. — Да что с тобой?

Взгляд его сердитых глаз встречается с моим.

— Со мной? Ничего. А вот что с тобой? Я даже не знаю, с чего начать. — И я слышу, как он чертыхает-

---

¹ *Греческая система* — одно из обобщенных названий студенческих мужских и женских организаций в вузах США (братств и сестринств), которые называются буквами греческого алфавита.

ся себе под нос. — Завязывай уже с этим дерьмом, мужик.

Теперь я вообще перестаю что-либо понимать, потому все мои действия за последние десять минут были связаны только со сборами на вечеринку.

Такер замечает мое удивление и мрачным тоном поясняет:

— Я про эту фигню с Ханной.

От неожиданности я застываю, но все еще пытаюсь сделать вид, что не врубаюсь:

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь.

Угу, лучше уж я совру. Собственно, мне не впервой. Кажется, я вру с тех самых пор, как поступил в Брайар.

Мне предназначено попасть в НХЛ самой судьбой. Так или иначе, я попаду в команду!

Обожжаю каждое лето работать механиком в гараже отца. Зашибаю приличные деньги на карманные расходы!

Нет, я не сохну по Ханне. Она же встречается с моим лучшим другом!

Ложь, ложь и еще больше лжи, потому что каждый раз сказать правду равносильно крушению всех надежд, а меньше всего мне хочется, чтобы мои друзья и товарищи по команде меня жалели.

— Оставь эту чушь для Джи, — резким тоном бросает Такер. — И знаешь что? Тебе повезло, что он так влюблен и не обращает внимания на то, что происходит. Потому что иначе он бы точно заметил, как ты себя ведешь.

— Да? И как, интересно? — в тон ему отвечаю я и стискиваю челюсти. Мне совсем не нравится, что Так догадался о моих чувствах к Ханне. А еще больше мне не нравится то, что он, после стольких месяцев, все-таки решился на этот разговор. Почему не оставить все как есть? Эта ситуация и так уже хуже некуда, но нет, кое-кому понадобилось еще и уличить меня.

— Серьезно? Ты хочешь список? Отлично. — Его лицо мрачнее тучи, когда он начинает перечислять каждую гребаную мелочь, что и без того вызывает во

мне чувство вины. — Ты выходишь из комнаты в тот же момент, когда они туда заходят. Ты прячешься в своей спальне, когда она остается у нас ночевать. А если вы *все-таки* оказываетесь в одном помещении, когда думаешь, что тебя никто не видит, ты глаз с нее неводишь. Ты...

— Ладно, — обрываю я его. — Понял-понял.

— И я уж не говорю о том, что ты трахаешься со всеми подряд, — ворчит Такер. — Да, ты тот еще бабник, но чувак, за эту неделю ты переспал с пятью девушками!

— Ну и что?

— А то, что сегодня *четверг*. Пять девушек за четыре дня. Да ты сам, блин, посчитай, Джон.

Вот черт. Он назвал меня по имени. А Такер называет меня Джоном, только когда *по-настоящему* злится на меня.

Но вот только сейчас я тоже злюсь на него и поэтому тоже обращаюсь к нему по имени:

— А что не так, *Джон*?

Да, мы с ним тезки. Наверное, нам нужно поклясться на крови и создать свой клуб или типа того.

— Мне двадцать один год, — раздраженно продолжаю я. — Мне уже можно заниматься сексом. Нет, я *должен* заниматься сексом — как еще, когда ты учишься в колледже? Развлекаешься, трахаешься и отлично, черт побери, проводишь время до тех пор, пока не выходишь в реальный мир и жизнь не превращается в дерьмо.

— Ты действительно хочешь притворяться, что все эти перепихи — просто вехи в твоей студенческой жизни? — Такер качает головой, затем делает выдох, и тон его смягчается: — Ты не можешь выкинуть ее из головы, мужик. Сегодня ты можешь переспать с сотней других женщин, но это все равно ничего не изменит. Тебе пора принять тот факт, что с Ханной у вас ничего не будет, и жить дальше.

Он абсолютно прав. Я прекрасно осознаю, что погряз в своем дерьме и трахаюсь, только чтобы отвлечься.

А еще я понимаю, что нужно прекращать эти вечеринки, во время которых я напиваюсь до бесчувствия. Что нужно убить в себе эту искорку надежды на то, что у нас что-то может быть, и просто смириться с тем, что этого *не* случится.

Наверное, я даже начну действовать. С завтрашнего дня.

А сегодня? Буду придерживаться изначального плана. Забыться. Потрахать. А все остальное пусть катится к чертям.

* * *

Грейс

Я поступила в колледж девственницей.

И начинаю думать, что в этом же статусе его и окончу.

Конечно, в том, чтобы состоять почетным членом клуба целомудрия, нет ничего плохого. Ну и что, что мне скоро стукнет девятнадцать? До того чтобы именоваться старой девой мне еще далеко, и уж точно никто не станет обмазывать меня дегтем и вываливать в перьях только потому, что моя девственная плева до сих пор в целости и сохранности.

К тому же не похоже, что у меня появилась возможность потерять девственность в этом году. С тех пор как я поступила в университет Брайар, моя лучшая подруга только и делает, что таскает меня по вечеринкам, которым я уже потеряла счет. Конечно, парни со мной флиртовали. Некоторые (и это правда) даже пытались меня соблазнить. А один вообще прислал фотку своего пениса с надписью «Он весь твой, детка». Что само по себе было... да-да, ужас как пошло, но, думаю, если бы он действительно мне нравился, то я, наверное, была бы, э-э-э, польщена? Так ведь?

Но ни один из тех парней меня не заинтересовал. А те, кому удалось привлечь мое внимание, не смотрели в мою сторону.

До сегодняшнего вечера.

Когда Рамона объявила, что мы идем на вечеринку братства, я и не думала, что кого-то там встречу. Такое ощущение, что каждый раз, когда мы оказываемся в «Греческом ряду»¹, парни из братства стараются уломать нас с Рамоной поцеловаться взапас. Но сегодня я познакомилась с парнем, который по-настоящему мне понравился.

Его зовут Мэтт, и он не похож на всех этих пафосных придурков. Мало того что он по-прежнему трезв, так еще и изъясняется распространенными предложениями и еще до сих пор не употребил слово «братан», хотя мы болтаем довольно долго. Вернее, болтает он. Потому что я, может, и успела вставить пару фраз, но зато совсем не против просто стоять и слушать его, любуясь точеным подбородком и милыми завитками светлых волос.

А если честно, так даже лучше, что я молчу. Рядом с симпатичными парнями я начинаю нервничать — несу всякую чушь, потому что не могу ясно соображать. Мои самоограничители отключаются, и я вдруг начинаю рассказывать им о том, как описалась в третьем классе во время экскурсии на фабрику по производству кленового сиропа. Или о том, как боюсь щенков, или о своем безобидном расстройстве личности, из-за которого, стоит вам отвлечься, я могу запросто начать убирать в вашей комнате.

Так что да, уж лучше я буду просто стоять, улыбаться, кивать головой и время от времени вставлять «о, правда?», чтобы окружающие знали, что я не немая. Только так получается не всегда, особенно если симпатичный парень задает мне вопрос, требующий конкретного ответа.

— Не хочешь выйти на воздух и покурить вот это? — Мэтт вытаскивает из кармана своей рубашки косячок и демонстрирует его мне. — Я бы и здесь затянулся, но только за это Мистер Президент вышибет меня из братства.

---

¹ «Греческий ряд» (англ. *Greek row*) – название улиц/улицы, где располагаются дома братств и сестринств.

Я неловко переступаю с ноги на ногу:

— Э-э-э... нет, спасибо.

— Ты не куришь травку?

— Нет. То есть да, но редко. Из-за нее я чувствую себя... не в своей тарелке.

Он улыбается, и на его щеках появляются обворожительные ямочки:

— Так в этом-то и смысл.

— Да, наверное. Но еще у меня появляется ощущение усталости. О, и еще каждый раз когда я курю траву, то сразу вспоминаю о презентации, которую заставил меня посмотреть мой отец, когда мне было тринадцать. Там содержались статистические данные о том, как курение травы влияет на клетки головного мозга, а еще факты о том, что марихуана *вызывает* сильное привыкание. Хотя считается, что это не так. А после каждого слайда папа смотрел на меня и говорил: «Ты же не хочешь остаться без своих серых клеточек, Грейс? Нет?»

Мэтт оторопело смотрит на меня, и голос в моей голове кричит: «Хватит!» Но уже слишком поздно. Мой самоограничитель снова подвел меня, и слова продолжают соскакивать с языка.

— Но мама поступила еще хуже, потому что старается быть клевой мамой. Когда мне исполнилось пятнадцать, она отвезла меня на темную аллею, вытащила косяк и объявила, что мы выкурим его вместе. Это напоминало сцену из сериала «Прослушка». Кстати, я вообще-то не смотрела ни одной серии. Но это же о наркотиках, да? Короче, я сидела и паниковала, уверенная в том, что нас вот-вот арестуют, в то время как мама спрашивала меня о моих ощущениях и нравился ли мне травка.

Наконец-то мои губы перестают двигаться. Но взгляд Мэтта уже потух.

— Э-э-э, круто. — Он неловко машет косяком. — Пойду курну. Увидимся позже.

Мне удастся сдерживать вздох до тех пор, пока он не уходит, а потом я протяжно выдыхаю и мысленно отчитываю себя. Проклятье! Не знаю, зачем я вооб-

ще трачу время на разговоры с парнями. Каждая беседа начинается с того, что я нервничаю, боясь опозориться, и в итоге оказываюсь в том самом неловком положении, потому что нервничала. Видите? Я обречена с самого начала.

Снова вздохнув, в поисках Рамоны я спускаюсь на первый этаж. Кухня забита кегами и парнями из братства. То же самое и в столовой. В гостиной полно очень громких и очень пьяных парней и море полуподетых девиц. Я восхищена их храбростью, потому что на улице морозно, а входные двери то и дело распахиваются настежь, отчего по дому гуляют холодные сквозняки. Мне же хорошо и тепло в джинсах-скинни и обтягивающем свитере.

Моей подруги нигде не видно. Из колонок грохочет хип-хоп, а я достаю из сумки телефон и смотрю на время — уже почти полночь. Даже после восьми месяцев учебы в Брайаре во мне просыпается чувство ликования каждый раз, если я задерживаюсь дольше одиннадцати вечера. Когда я жила дома, это был мой комендантский час. Мой отец — ярый сторонник ограничений. Любых ограничений. Сомневаюсь, чтобы он хотя бы раз в своей жизни нарушил какое-нибудь правило, и это заставляет меня недоумевать, как они с мамой умудрились прожить в браке так долго. Моя свободолюбивая мама — полная противоположность консервативному, строгому отцу, но это, похоже, лишний раз доказывает, что противоположности притягиваются.

— Грейси! — прорывается сквозь музыку пронзительный женский крик, и я не успеваю опомниться, как откуда ни возьмись возникает Рамона и крепко меня обнимает.

Когда она отстраняется, мне хватает беглого взгляда, чтобы по ее блестящим глазам и раскрасневшимся щекам понять — подруга пьяна. На ней точно такой же минимум одежды, как и на большинстве девушек в этой комнате: короткая юбка едва прикрывает задницу, а вырез красного топа с открытыми плечами демонстрирует больше чем следует. И я по-

нения не имею, как ей удастся балансировать в этих кожаных сапогах на высоченных каблуках. Но выглядит она шикарно, что уж говорить, и пока берет меня под руку, притягивает к себе многочисленные восторженные взгляды.

Я больше чем уверена, что когда люди видят нас вместе, то чешут в затылке, задаваясь вопросом, как, ради всего святого, мы можем быть подругами. Порой я и сама спрашиваю себя об этом.

В старших классах Рамона была из тех отвязных девчонок, любительниц поразвлечься и выкурить сигуретку за углом школы. Я же была редактором школьной газеты и организовывала всевозможные благотворительные мероприятия. Не будь мы с Рамоной соседками, то вряд ли бы узнали о существовании друг друга, но каждый день мы встречались по дороге в школу и это стало началом дружбы, в которой сперва ценилось определенное удобство, но со временем она переросла настоящую. И настолько крепкую, что когда мы решали, в какой колледж поступать, то подавали заявления в одни и те же места, а когда узнали, что нас обеих зачислили в Брайар, то попросили моего отца поговорить с отделом размещения студентов и устроить так, чтобы мы жили в одной комнате.

С самых первых дней здесь мы были не разлей вода, но сейчас, не стану отрицать, стали немного отдаляться. Рамона всегда была одержима парнями и своей популярностью. Это все, что у нее на уме, и в последнее время я начинаю замечать, что Рамона... раздражает меня.

Черт. Даже от одной мысли об этом я чувствую себя отвратительной подругой.

— Я видела, как вы с Мэттом поднялись наверх! — шипит она мне в ухо. — У вас был секс?

— Нет, — печально отвечаю я. — Похоже, я его отпугнула.

— О нет! Ты что, рассказала ему о своей фобии щенков? — спрашивает она и театрально вздыхает: — Детка, пора бы тебе уже перестать рассказывать всем о своих заскоках. Я серьезно. Оставь это на потом,

когда у тебя будут серьезные отношения и парень уже не сможет так легко сбежать.

Не в силах сдержаться, я начинаю хихикать:

— Спасибо за совет.

— Ну что, ты готова идти, или останемся еще ненадолго?

Я снова обвожу взглядом комнату. И сразу натываюсь на двух девушек, одетых только в джинсы и лифчики, которые страстно целуются в углу комнаты, а один из парней братства «Омега-Фи» снимает это горячее проявление чувств на камеру своего мобильного.

После увиденного мне едва удастся сдержать стон. Ставлю десять долларов, что это видео скоро появится на одном из порносайтов. А бедные девушки узнают об этом только спустя несколько лет, когда одна из них соберется выходить замуж за сенатора, а желтая пресса будет рыться в ее грязном белье.

— Не буду возражать, если мы уйдем сейчас, — признаюсь я.

— Отлично, я тоже не против.

Я поднимаю брови:

— С каких это пор ты не против уйти с вечеринки раньше полуночи?

Рамона кривит губы:

— Нет никакого резона оставаться. Кое-кто другой уже захапал *его* себе.

Мне не нужно спрашивать, о ком она говорит — это все тот же парень, про которого она талдычит мне с самого первого дня этого семестра.

Дин Хейворд-Ди Лаурентис.

Рамона просто одержима этим сногшибательным третьекурсником с тех самых пор, как натолкнулась на него в одной из кофеен кампуса. И я говорю совершенно серьезно. Она таскала меня почти на все домашние матчи Брайара, только чтобы посмотреть, как играет Дин. Должна признаться, парень действительно секси. И еще он, судя по сплетням, тот еще бабник, но, к несчастью для Рамоны, Дин не тусуется с первокурсницами. Вернее, не спит с ними, а именно

этого она и хочет. Обычно Рамона ни с кем не встречается дольше недели.

Она захотела прийти на эту вечеринку только потому, что услышала, что Дин тоже здесь будет. Хотя совершенно ясно, что парень чертовски последователен в своем принципе «никаких первокурсниц». Сколько бы раз Рамона ни вешалась ему на шею, он всегда уходит с кем-то другим.

— Погоди, я только схожу в туалет, — говорю я ей. — Встретимся на улице?

— Ладно, но давай побыстрее. Я сказала Джасперу, что мы собираемся уходить, и он уже ждет нас в машине.

Рамона пулей уносится к выходу, я же чувствую легкий укол обиды. Очень мило, что она спросила меня, хочешь ли я уйти, когда уже приняла решение за нас обоих.

Но я проглатываю раздражение, напоминая себе, что Рамона поступала так всегда и раньше меня это не задевало. Хотя по правде говоря, если бы она не принимала за меня решения и не вынуждала выходить из зоны комфорта, я бы так и провела все годы старшей школы в офисе школьной редакции газеты, пописывая в колонку жизненные советы для подростков, хотя сама даже не знала, что такое жизнь.

Но все же... порой мне хочется, чтобы Рамона сначала *спросила* меня, спросила, что я думаю, а потом бы решала, что нам делать.

В туалете на первом этаже собралась длинная очередь, поэтому я протискиваюсь сквозь толпу и поднимаюсь на второй этаж, где совсем недавно общалась с Мэттом. Я как раз подхожу к уборной, когда дверь широко распахивается и оттуда выходит красивая блондинка.

Она вздрагивает, когда замечает меня, но тут же надменно улыбается и поправляет подол своего платья, которое иначе как *вульгарным* и не назовешь. Мне виден даже треугольник ее розовых трусиков.

Мои щеки вспыхивают, и я смущенно отвожу взгляд, дожидаясь, когда она начнет спускаться по лестнице, и протягиваю руку к дверной ручке. Но едва

успеваю коснуться ее, как дверь *снова* распахивается и кто-то выходит.

Мои глаза сталкиваются с парой других глаз, самых голубых во всем мире. Мне хватает секунды, чтобы узнать их обладателя, и мое лицо краснеет еще больше.

Это Джон Логан.

Да-да, Джон Логан, он же ведущий защитник нашей хоккейной команды. И я знаю это не только потому, что Рамона уже несколько месяцев охотится на его друга Дина, а потому, что на прошлой неделе его точное лицо было на обложке университетской газеты. После победы нашей команды в чемпионате в газете было опубликовано несколько больших интервью с игроками. Не буду врать — статья про Логана была единственной, которую я прочитала.

Потому что этот парень просто сногшибательно красив.

Как и блондинка, он испытывает шок, увидев меня в коридоре, но тоже быстро берет себя в руки и широко мне улыбается.

А затем застегивает ширинку.

Боже ты мой.

Не могу поверить, что он только что сделал это. Мой взгляд невольно опускается на его промежность, что, похоже, также его ничуть не смущает. Парень выгибает бровь, пожимает плечом и уходит.

Вау, ничего себе.

Это должно было вызвать во мне чувство отвращения. И не только тот очевидный факт, что парень пять минут назад занимался сексом в уборной. Уже даже то, что Логан застегнул ширинку у меня на глазах, определяло его в один ряд с придурками.

Но вместо этого, одновременно с осознанием всех обстоятельств перепахивания, на меня неожиданно накатывает волна ревности.

Нет, не то чтобы мне хотелось лишиться невинности с первым встречным в уборной, но...

Ладно, я солгала. Мне *очень* этого хочется. По крайней мере с Джоном Логаном. Когда я представляю,